

18+

Цель

Мы не виделись неделю, а это на семь дней больше,
чем я могу выдержать. **Такер**

Мне не хватает его так сильно, что это разбивает сердце. **Сабрина**

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

ЭЛЪ КЕННЕДИ

Main Street. Коллекция «Скарлет»

Эль Кеннеди

Цель

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое) 44

Кеннеди Э.

Цель / Э. Кеннеди — «Издательство АСТ», 2016 — (Main Street. Коллекция «Скарлет»)

ISBN 978-5-17-111677-4

Студентка-старшекурсница Сабрина Джеймс спланировала свою жизнь заранее: учеба в колледже, поступление на юридический факультет университета, престижная работа. И в этой жизни точно нет места романтичному хоккеисту, который верит в любовь с первого взгляда. Все же девушка проводит с Джоном Такером одну ни к чему не обязывающую ночь, даже не предполагая, что она изменит ее жизнь. Джон Такер уверен, что быть частью команды гораздо важнее одиночного успеха. На льду хоккеист готов принимать любые условия, но когда встреча с девушкой мечты переворачивает его жизнь с ног на голову, Такер не собирается отсиживаться на скамейке запасных. Даже если сердце неприступной красавицы остается закрытым для него. Сможет ли парень убедить ее, что в жизни есть цели, которых лучше добиваться сообща?

УДК 821.111(73)

ББК 84(7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-111677-4

© Кеннеди Э., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

25

Эль Кеннеди

Цель

Elle Kennedy

THE GOAL

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Copyright © 2016 by Elle Kennedy

© Н. Болдырева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

«Блестящий образец того, какой глубокой может быть new adult литература при правильной подаче».

Рецензия на сайте ALL About Romance

Эль Кеннеди – автор многочисленных романов, которые не раз попадали в список бестселлеров по версии New York Times и становились выбором читателей журнала Romantic Times.

1

Сабрина

– Черт. Черт. Черт. Че-е-ерт. Где мои ключи?

Часы в узком коридоре говорят, что у меня есть пятьдесят две минуты, чтобы совершить поездку длительностью шестьдесят восемь минут, если я хочу попасть на вечеринку вовремя.

Я снова проверяю свою сумочку, но ключей там нет. Пробегаюсь по разным местам. Комод? Нет. Ванная? Я только что оттуда. Кухня? Может быть...

Я собираюсь развернуться, когда слышу позади металлическое позвякивание.

– Ты ищешь это?

Я поворачиваюсь и делаю шаг в гостиную, настолько маленькую, что пять предметов потрепанной мебели: два стола, два дивана – один двухместный, другой одноместный – и одно кресло – прижаты друг к другу как сардины в банке. Кусок плоти на диване машет моими ключами. В ответ на мой раздраженный вздох и презрительный взгляд он ухмыляется и запикивает их под прикрывающие задницу треники.

– Иди, возьми их.

Я удрученно провожу рукой по выпрямленным волосам, прежде чем начать атаку на отчима.

– Дай мне мои ключи, – требую я.

Рэй искоса смотрит в ответ.

– Проклятье, ты выглядишь сексуально сегодня. Ты превратилась в настоящую куколку, Рина. Нам с тобой стоит замутить.

Я игнорирую его жирную руку, падающую на промежность. Никогда не видела мужчину, настолько безнадёжного, чтобы хвататься за собственное хозяйство. На его фоне Гомер Симпсон кажется джентльменом.

– Мы с тобой не созданы друг для друга. Так что не смотри на меня и *не зови* меня Риной. – Рэй – единственный человек, который называет меня так, и я, мать его, ненавижу это. – А теперь дай мне мои ключи.

– Я же сказал, подойди и возьми.

Стиснув зубы я сую руку под его жирную задницу и пытаюсь нащупать ключи. Этот мерзкий кусок дерьма Рэй хрипит и извивается, пока моя рука не натывается на металл.

Я вытаскиваю ключи и направляюсь к двери.

– Да что тут такого? – глумится он за спиной. – Мы не родня, так что никаких проблем с инцестом.

Я останавливаюсь, не веря своим ушам, и трачу тридцать секунд своего драгоценного времени, чтобы сказать:

– Ты мой отчим. Женат на моей матери. И... – я подавляю приступ тошноты, – ... спишь сейчас с бабушкой. Так что дело не в том, родня мы или нет, а в том, что ты – самый мерзкий человек на свете, и ты должен сидеть в тюрьме.

Его карие глаза темнеют.

– Следи за своим языком, девочка, или однажды вернешься домой, а дверь будет заперта. Плевать.

– Я плачу треть ренты, – напоминаю я ему.

– Ну, может, тебе придется платить больше.

Он снова разворачивается к телевизору, а я трачу еще несколько ценных секунд, представляя, как бью его по голове сумочкой. Оно того стоит.

На кухне бабушка сидит за столом, курит сигарету и читает статьи журнала *People*.

– Ты это видела? – восклицает она. – Ким К. опять голая.

– Какая молодец. – Я хватаю свой пиджак со спинки стула и направляюсь к кухонной двери.

Я обнаружила, что дом безопаснее покидать через заднюю дверь. Обычно на ступенях узких городских домов нашей далеко не богатой улицы в далеко не богатом районе Бостона собирается уличная шпана. Кроме того, за домом располагается парковка.

– Слышала, Рейчел Беркович залетела, – замечает бабушка. – Ей стоило бы сделать аборт, но это противоречит их религии.

Я сильнее сжимаю зубы и поворачиваюсь к своей бабке. Как обычно, она одета в рваный халат и пушистые розовые тапки, но ее крашенные белые волосы идеально уложены, а на лице полный макияж, хотя она редко выходит из дома.

– Она еврейка, бабуль. Не думаю, что это против ее религии, но даже если и так, это ее выбор.

– Наверное, ей нужны дополнительные продовольственные талоны, – делает вывод бабушка, выпуская в мою сторону длинную струю дыма.

Дерьмо. Надеюсь, к тому времени, как доберусь до Гастингса, я не буду пахнуть как пепельница.

– Полагаю, это не та причина, по которой она хочет сохранить ребенка. – Положив одну руку на дверь, я беспокойно переминаюсь с ноги на ногу, ожидая паузы, чтобы попрощаться с бабушкой.

– Твоя мать думала сделать аборт, когда была беременна тобой.

Вот оно.

– Ладно, достаточно, – бормочу я. – Я еду в Гастингс. Буду поздно.

Она отрывается от журнала и, прищурившись, окидывает взглядом мою черную вязаную юбку, черный свитер с короткими рукавами и декольте и трехдюймовые каблуки. Я знаю, что она хочет сказать, еще до того, как бабуля открывает рот.

– Выглядишь вызывающе. Уезжаешь в этот свой модный колледж? У тебя занятия в субботу ночью?

– Это коктейльная вечеринка, – неохотно отвечаю я.

– О, коктейль-шмоккейль. Надеюсь, у тебя губы не треснут целовать там всех в задницу.

– Да, спасибо, бабуль. – Я открываю ключом заднюю дверь и заставляю себя добавить: – Люблю тебя.

– И я тебя, детка.

Она действительно любит меня, но иногда эта любовь такая испорченная, что я не знаю, то ли она мне вредит, то ли помогает.

Мне не удастся доехать до маленького городка Гастингс ни за пятьдесят две, ни за шестьдесят восемь минут. Вместо этого я добираюсь туда полтора часа, потому что дороги просто ужасны. Еще пять минут уходит и на то, чтобы найти место для парковки, и к тому моменту, как я подхожу к дому профессора Гибсон, я натянута как струна... и чувствую себя на пределе.

– Здравствуй, мистер Гибсон. Прошу прощения за опоздание, – говорю я очкарику в дверях.

Муж профессора Гибсон мягко улыбается мне.

– Не беспокойся об этом, Сабрина. Ужасная погода. Давай я заберу твою куртку. – Он протягивает руку и терпеливо ждет, пока я сражаюсь со своим шерстяным пиджаком.

Профессор Гибсон подходит, когда ее муж вешает мой дешевый пиджак среди дорогих вещей в гардеробе. Он выглядит там так же неуместно, как и я в этом доме. Я запикиваю подальше чувство неполноценности и широко улыбаюсь.

– Сабрина! – радостно восклицает профессор Гибсон. Ее присутствие заставляет меня собраться. – Рада, что ты добралась в целости и сохранности. Снег еще не пошел?

– Нет, только дождь.

Она морщится и берет меня за руку.

– Еще хуже. Надеюсь, ты не планируешь возвращаться сегодня в город? На дорогах будет сплошной лед.

Поскольку утром мне нужно на работу, я поеду, невзирая на состояние дорог, но не хочу, чтобы профессор беспокоилась, и ободряюще улыбаюсь.

– Со мной все будет в порядке. Она все еще тут?

Профессор кладет руку мне на плечо.

– Да, и ей не терпится познакомиться с тобой.

Замечательно. Впервые с тех пор, как вошла в дом, я вдыхаю полной грудью и позволяю провести себя через комнату к невысокой седой женщине, в свободного кроя пастельном пиджаке и черных брюках. Наряд так себе, но бриллианты, сверкающие в ее ушах, больше, чем мой палец. Что еще? Она кажется чересчур добродушной для профессора права. Я всегда представляла их суровыми, строгими созданиями. Вроде меня.

– Амалия, позволь мне представить тебе Сабрину Джеймс. Это студентка, о которой я тебе говорила. Первая в классе, работает на двух работах и при этом смогла получить семьдесят семь баллов на вступительных экзаменах в юридической школе. – Профессор Гибсон поворачивается ко мне: – Сабрина, Амалия Фромм, выдающийся знаток конституции.

– Очень приятно познакомиться! – Я протягиваю руку и молю Бога, чтобы она не оказалась влажной на ощупь. Готовясь к этому, я целый час практиковалась пожимать собственную руку.

Амалия слегка сжимает руку, а затем отступает.

– Мать – итальянка, дед – еврей, отсюда и странное сочетание имен. Джеймс – шотландское имя, ваша семья оттуда? – Она окидывает меня взглядом светлых глаз, и я едва удерживаюсь от того, чтобы не начать теревить свою старую дешевую одежду.

– Не могу сказать, мэм. – Семья моя родом из сточной канавы. Шотландия – слишком приятная и величественная страна, чтобы быть нашей родиной.

Она взмахивает рукой.

– Это неважно. На досуге я балуюсь генеалогией. Итак, ты уже подала документы в Гарвард? Келли сказала, что да.

Келли? Кто такая Келли?

– Она говорит обо мне, дорогая, – говорит профессор Гибсон с мягким смехом.

Мои щеки заливают краска.

– Да, прошу прощения. Я думаю о вас как о профессоре.

– Так официально, Келли! – осуждающе восклицает профессор Фромм. – Сабрина, куда еще ты подала документы?

– Колледж Бостона, Суффолк и Йель, но Гарвард – моя мечта.

Амалия удивленно поднимает бровь в ответ на мой запасной список из трех бостонских школ.

Профессор Гибсон встает на мою защиту.

– Она хочет оставаться ближе к дому. И очевидно, она стоит чего-то большего, чем Йель.

Обе женщины презрительно фыркают. Профессор Гибсон была выпускницей Гарварда, а выпускники Гарварда, безусловно, всегда настроены против Йеля.

– Судя по тому, что рассказала Келли, похоже, что для Гарварда станет честью принять тебя.

– Для меня будет честью стать студенткой Гарварда, мэм.

– Письма о приеме скоро будут отправлены. – Ее глаза сверкают озорным блеском. – Я обязательно замолвлю словечко.

Амалия награждает меня еще одной улыбкой, и я чуть не падаю в обморок от счастливого облегчения. Я не пыталась польстить ей. Гарвард и правда был моей мечтой.

– Спасибо, – наконец хриплю я.

Профессор Гибсон направляет меня к столу.

– Почему бы тебе не поесть чего-нибудь? Амалия, хочу поговорить с тобой о документе Брауна. У тебя была возможность просмотреть его?

Обе отворачиваются, погружаясь в диалог о взаимосвязи между черным феминизмом и расовой теорией – тема, в которой профессор Гибсон является экспертом.

Я бреду к столу с закусками, накрытому белой скатертью и заставленному сыром, крекерами и фруктами. Две мои лучшие подруги: Хоуп Мэтьюс и Карин Томпсон – уже стоят там. Одна темненькая, другая светленькая, они – самые красивые и умные ангелы в мире.

Я подхожу и едва не падаю в их руки.

– Ну? Как все прошло? – нетерпеливо спрашивает Хоуп.

– Думаю, хорошо. Она сказала, что, похоже, для Гарварда будет честью принять меня и что первая часть извещений о приеме скоро начнет приходить.

Я хватаю тарелку и начинаю наполнять ее, желая, чтобы куски сыра были побольше. Я так голодна, что смогла бы съесть целую головку сыра. Весь день нервничала из-за этой встречи и теперь хотела просто упасть лицом в тарелки с едой.

– О, ты создана для Гарварда, – заявляет Карин.

Мы все трое находимся под патронажем профессора Гибсон, которая верит исключительно в поддержку молодых женщин. В кампусе есть еще несколько сетевых организаций, но все ее влияние направлено лишь на продвижение девушек, и я более чем благодарна за это.

Сегодняшняя коктейльная вечеринка организована для ее студентов, чтобы они могли познакомиться с преподавателями самых престижных факультетов страны. Хоуп хочет получить место на медицинском факультете Гарварда, а Карин отправится в Массачусетский технологический.

Ох уж это море эстрогена в доме профессора Гибсон. Кроме ее мужа присутствует лишь пара мужчин. Я действительно буду скучать по этому месту после выпуска. Это был мой второй дом.

– Скрестим пальцы, – отвечаю я Карин. – Если не попаду в Гарвард, тогда будет Бостонский колледж или Суффолк. – Тоже неплохо, но Гарвард практически гарантирует мне работу мечты после выпуска в одной из ведущих юридических фирм страны, или, как у нас говорят, в Большой Юриспруденции.

– Ты поступишь, – уверенно говорит Хоуп. – И, надеюсь, как только получишь письмо о приеме, ты прекратишь убивать себя, потому что... Боже, Би, ты выглядишь напряженной!

Я с трудом поворачиваю голову, разминая шею. Да, я действительно напряжена.

– Знаю. В последнее время у меня жесткий график. Сегодня, например, легла спать в два ночи, потому что девушка, которая должна была закрывать «Ковбойские сапоги», сбежала и оставила меня одну, а потом пришлось встать в четыре, чтобы разобрать почту. Я добралась домой около полудня, отключилась и чуть не проспала.

– Все еще работаешь в двух местах? – Карин убирает с лица свои рыжие волосы. – Ты говорила, что бросишь подработку официанткой.

– Пока не могу. Профессор Гибсон говорит, что в юридической школе не хотят, чтобы мы работали в первый год обучения. Единственный способ иметь достаточно денег на еду и жилье – накопить до сентября.

Карин сочувственно вздыхает.

– Я тебя понимаю. Мои родители взяли такой большой кредит, что на него можно было бы купить небольшую страну.

– Хотела бы я, чтобы ты поселилась с нами, – жалобно добавляет Хоуп.

– Неужели? Вот уж не знала, – шучу я. – С начала семестра ты повторяешь это всего лишь дважды в день.

Она в ответ морщит свой хорошенький носик.

– Тебе бы *так понравилось* то место, что папа для нас снял! Там окна от пола до потолка, и это прямо у ветки метро. А общественный транспорт... – она загадочно двигает бровями.

– Это очень дорого, Эйч.

– Ты же знаешь, я бы покрыла разницу... Точнее, мои родители, – поправляется она. У семьи этой девушки денег больше, чем у какого-нибудь нефтяного магната, но, глядя на нее, этого не скажешь. Она такая же практичная, как и мы.

– Знаю, – говорю я, заглатывая куски мини-сосисок. – Но я буду чувствовать вину, потому что вина может перерасти в обиду, и затем мы перестанем быть подругами, а перестать быть твоей подругой – это отстой.

Она качает в ответ головой.

– Если когда-нибудь твоя упрямая гордость позволит тебе попросить о помощи, я буду тут.

– Мы будем тут, – вклинивается Карин.

– Видите? – Я указываю вилкой то на одну, то на другую. – Вот почему я не могу жить с вами, девчонки. Вы непомерно много для меня значите. Кроме того, это мне на руку. У меня сбережений почти на десять месяцев до начала занятий следующей осенью. У меня есть эти деньги.

– Хотя бы приди выпить с нами, когда все это кончится, – умоляет Карин.

– Мне еще домой ехать, – я скроила кислую мину. – Я заступаю в смену завтра и сортирую посылки.

– В воскресенье? – с удивлением спрашивает Хоуп.

– Оплата в полтора раза выше. Я не смогла отказаться. На самом деле я скоро должна буду уехать. – Я ставлю тарелку на стол и пытаюсь взглядом окинуть происходящее за большим эркерным окном. Я вижу лишь тьму и росчерки дождя по стеклу. – Чем скорее я поеду, тем лучше.

– Только не по этой погоде. – Профессор Гибсон появляется у моего локтя с бокалом вина. – Сообщили о гололеде: температура падает, и дождь превращается в лед.

Один взгляд на лицо моего куратора, и я понимаю, что должна отступить. Что я и делаю, но с большой неохотой.

– Хорошо, – говорю я, – но я выражаю протест. И вам... – я указываю вилкой на Карин, – лучше приберечь мороженое в морозилке на тот случай, если мне придется остаться с вами, а то я точно разозлюсь.

Мы смеемся. Профессор Гибсон идет дальше, оставляя нас одних как троицу лучших старшекурсников. Через час общения мы с Хоуп и Карин хватаем наши пальто.

– Куда идем? – спрашиваю я девочнок.

– Д'Андре в «Мэлоуне», и я обещала встретиться с ним там, – отвечает Хоуп. – Ехать всего две минуты, так что все будет в порядке.

– В «Мэлоуне»? Но это же бар для хоккеистов, – хнычу я. – Что Д'Андре делает там?

– Пьет и ждет меня. Кроме того, тебе нужно с кем-то переспать, а спортивный – твой любимый типаж.

Карин фыркает.

– Скорее, единственный.

– Эй, – возражаю я, – у меня есть очень веские причины, чтобы предпочитать спортсменов.

– Знаю. Мы это слышали. – Она закатывает глаза. Если хочешь получить ответ на статистический вопрос, обращай к ботаникам. А если желаешь удовлетворить физические потребности, иди к спортсменам. Тело – инструмент профессиональных атлетов. Они заботятся о нем и знают, как добиться совершенства, бла-бла-бла. –левой рукой Карин изображает болтливый рот.

Я показываю ей средний палец.

– Но заниматься с тем, кто тебе нравится, намного приятнее, – говорит Хоуп, которая встречается с Д'Андре, своим парнем-футболистом, с младших классов.

– Мне они нравятся, – возражаю я, – час или около того, пока я их пользую.

Мы хихикаем над этим, но затем Карин вспоминает парня, который понизил планку.

– А ты помнишь Грэга «Десять секунд»?

Ее слова заставляют меня поежиться.

– Во-первых, большое спасибо, что напомнила мне об этом ужасе, во-вторых, я не говорю, что среди них нет «бракованных». Просто с атлетами шансы выше.

– А хоккеисты тебе подходят? – спрашивает Карин.

Я пожимаю плечами.

– Не могу знать. Я не вычеркнула их из списка потенциальных партнеров не из-за успехов в постели, а потому что они сверхпривилегированные засранцы, получающие снисхождение от профессионалов.

– Сабрина, детка, ты должна дать им шанс, – настаивает Хоуп.

– Не-а. С хоккеистами я не играю.

– Боже, посмотри, что ты упускаешь. – Карин развратно проводит языком по губам. – А парень с бородой? Я хочу знать, на что это похоже. Борода – в списке моих невыполненных желаний.

– Ну так дерзай. Мой бойкот хоккеистов оставляет тебе больше шансов.

– Вполне согласна, но... – Она ухмыляется. – Нужно ли мне напоминать, что ты переспала с той шлюхой Дином Лаурентисом?

Фу. Вот об этом мне *никогда* не стоит напоминать.

– Во-первых, я была пьяная вдрызг, – ворчу я. – Во-вторых, это было на втором курсе. И, в-третьих, именно поэтому я поклялась держаться подальше от хоккеистов.

Хотя в колледже Брайара и есть лидирующая футбольная команда, он известен прежде всего благодаря хоккеистам. Парни на коньках тут возведены в ранг богов. Обсуждаемый субъект: Дин Хейвард Ди Лаурентис. Он учится на политологическом, как и я, у нас было несколько общих курсов, в том числе по статистике на втором году обучения. Этот курс был чертовски сложен. Все очень старались.

Все, кроме Дина, который спал с ассистенткой преподавателя.

И она поставила засранцу «отлично», чего он совершенно *не* заслужил. Я знаю это наверняка, потому что последнее задание мы выполняли в паре, и я видела, какую чушь он написал.

Когда я узнала, что он сдал на «пять», мне захотелось отрубить ему член. Это было так несправедливо. Я пахала как лошадь весь курс. Проклятье, да я везде пашу как лошадь! Все мои достижения заработаны кровью, потом и слезами, в то время как какая-то задница имеет все на блюдечке. Да пошел он!

– Она снова злится, – Хоуп театрально шепчет Карин.

– Она думает о том, как Ди Лаурентис получил «отлично» на том курсе, – так же громко твердит Карин в ответ. – Ей правда нужно с кем-то переспать. Когда был последний раз?

Я уже собираюсь снова заткнуть ее, как вдруг понимаю, что не могу вспомнить.

– Ну... был Мейер, игрок в хоккей на траве. Это было в сентябре. И после был Бо... – Я засияла. – Ха! Видите? Всего лишь чуть больше месяца назад. Едва ли это глобальная катастрофа.

– Детка, с твоим расписанием недопустимо *месяц* жить без секса, – возражает Хоуп. – Ты – ходячий комок нервов, а это значит, что тебе нужен хороший трах по меньшей мере... каждый день, – заключает она.

– Через день, – возражает Карин. – Дайте киске отдохнуть.

Хоуп кивает.

– Хорошо. Но сегодня – никакого отдыха киске!

Я фыркаю от смеха.

– Слышала, Би? Тебя покормили, ты выспалась днем, а теперь тебе нужно немного секса, – заявляет Карин.

– Но... «Мэлоун», – осторожно повторяю я. – Мы только что установили, что это место кишит хоккеистами.

– Не только. Готова спорить, Бо там. Хочешь, спрошу у Д'Андре? – Хоуп поднимает телефон, но я качаю головой.

– Бо займет слишком много времени. Захочет, например, поговорить во время секса. А я хочу сделать дело и уйти.

– Разговоры? Это звучит пугающе.

– Прекрати.

– Заставь меня, – Хоуп встряхивает головой, задевая меня длинными косами, а затем выходит из дома профессора Гибсон.

Карин пожимает плечами и следует за ней, после секундного замешательства я иду следом. К тому моменту как мы подходим к машине Хоуп, наши пальто мокрые насквозь, но мы идем, накинув капюшоны, чтобы ливень не добрался до волос.

Я действительно не в настроении общаться с парнями сегодня, но не могу отрицать, что подружки правы. Недели мучений и напряженной работы дают о себе знать: несколько последних дней я определенно чувствовала... зуд. Тот зуд, унять который можно лишь крепким, рельефным телом и, желательно, членом размером больше среднего.

Хотя я очень избирательна в связях, а «Мэлоун» заполнен хоккеистами, чем подтвердил мои опасения, уже через пять минут мы с девочками входим внутрь.

Что ж, если расклад на сегодня такой, полагаю, будет нестрашно сыграть с тем, что на руках, и посмотреть, как будут развиваться события.

Хотя у меня не было никаких ожиданий, когда я шла за подругами к барной стойке.

2

Такер

– Держись от нее подальше, малыш. Она язва.

Дин передает свою, как всегда, бесполезную, мудрость новичку с левого фланга, Хантеру Девенпорту, когда я вхожу в «Мэлоун» прямо из-под проливного дождя.

Дороги в дерьме, и мне не очень-то хочется быть сегодня тут, но Дин настоял, что нам нужна вечеринка. Весь день без устали он мерил шагами наш дом, сердитый как черт и явно расстроенный, но, когда я спросил его, что стряслось, он пожал плечами и ответил, что чувствует беспокойство.

А это чушь. Может, я и считаюсь тихим в сравнении с моими горластыми товарищами по команде, но тупым меня точно не назовешь. Уверен, не нужно быть детективом, чтобы сложить два и два.

Элли Хейз, лучшая подруга девушки другого нашего соседа по комнате, вломила к нам прошлой ночью.

Дин – кобель.

Цыпочки любят Дина.

Элли – цыпочка.

Следовательно, Дин спал с Элли.

К тому же по всей гостинной были разбросаны вещи, потому что Дин физически не способен заниматься сексом в своей спальне.

Он еще не признался в этом, но, уверен, в конце концов признается. И еще я знаю: что бы ни произошло между ними прошлой ночью, Элли не жаждет повторения. Только вот почему это должно беспокоить Дина, короля отношений на одну ночь, я еще не понял.

– Она не кажется мне язвой, – протягивает Хантер, пока я стряхиваю воду с волос.

– Эй, Шарик, – ворчит в мою сторону Дин, – иди отряхиваться куда-нибудь еще.

Я закатываю глаза и следую за взглядом Хантера, который неотрывно смотрит на стройную брюнетку, стоящую спиной к нам у длинной стойки. Вижу короткую юбку, длинные ноги и густые темные волосы, спускающиеся по спине. Не говоря уже о круглейшей, крепчайшей и сексуальнейшей заднице, какой я когда-либо имел удовольствие восхищаться.

– Неплохо, – замечаю я, ухмыляясь, и поворачиваюсь к Дину. – Полагаю, эту ты уже застолбил?

Он бледнеет от ужаса.

– Никаких шансов. Это Сабрина, братан. Она и так чуть не довела меня до белого каления в школе. Не стоит нарываться на нее еще и тут.

– Стой, это Сабрина? – медленно переспрашиваю я. Девушка, которую Дин называет своим заклятым врагом? – Я видел ее в кампусе, но не знал, что она – та, о ком ты вечно ноешь.

– Та самая, – бормочет он.

– Вот же черт. На нее приятно смотреть. – Даже очень приятно, если честно. В словаре рядом с понятием «приятно» стоило бы изобразить задницу Сабрины. Также она может служить иллюстрацией к словам «великолепно», «черт побери» и «отпад».

– А что между вами произошло? – встревает Хантер. – Она что, твоя бывшая?

Дина передергивает.

– О нет.

Новичок поджимает губы.

– Значит, я не нарушу правил дружбы, если подкачу к ней?

– Хочешь подкатить к ней? Дерзай. Но предупреждаю: эта сучка съест тебя живьем.

Я отворачиваюсь, чтобы спрятать ухмылку. Похоже, кто-то отшил Дина. Между ними точно что-то было, но даже после того, как Хантер насел на него с вопросами, тот не колется.

Сабрина в другом конце бара поворачивается: вероятно, чувствует на своей заднице три пары глаз... две из которых чертовски голодны.

Ее взгляд пересекается с моим и на какой-то момент задерживается. В ее глазах вызов, и мой спортивный азарт заставляет его принять.

Она как будто спрашивает: «Ты достаточно хорош для меня?».

«Понятия не имею, дорогуша».

В ее взгляде вспыхивает огонек... А затем она переводит его на Дина. В тот же момент Сабрина поджимает губы и показывает нам средний палец.

Хантер стонет и бормочет, что Дин все испортил. Но Хантер – младенец, а в этой девушке огня хватит, чтобы спалить весь мир. Не представляю, чтобы она захотела переспать с восемнадцатилеткой, особенно когда он видит поражение при первом же препятствии. Малышу придется стать сильнее, если он хочет играть с большими мальчиками.

Я ишу в кармане наличку.

– Возьму пиво. Вам, парни, нужно заправиться?

Оба качают головой. Выполнив свой дружеский долг, я иду к бару и Сабрине, оставляя бармену время подать ей напиток.

Кладу двадцатку.

– У меня есть это, и я возьму «Миллер», когда у вас будет минутка.

Бармен забирает счет и спешит к кассе, прежде чем Сабрина успевает возразить. Она окидывает меня внимательным взглядом, затем поднимает бутылку к губам.

– Я не буду спать с тобой только потому, что ты купил мне выпить, – говорит она, слегка отрывая губы от края горлышка.

– Надеюсь на это, – отвечаю я, пожимая плечами. – У меня запросы повыше.

Затем вежливо киваю ей и возвращаюсь к столу, где собрались мои товарищи. Чувствую, как ее глаза сверлят мою спину, и, поскольку она не видит моего лица, позволяю себе удовлетворенную улыбку. Эта девушка привыкла к тому, что за ней увиваются, значит, нужно внести долю неожиданности в свои ухаживания.

Когда я сажусь за стол, Хантер уже рассматривает другую группу девушек, а Дин с головой зарылся в телефон – наверное, переписывается с Элли. Интересно, знают ли другие парни, что между ними было? Вероятно, нет. Гаррет и Логан со своими подружками до завтра будут в Бостоне, так что, скорее всего, они еще в неведении. Но Гаррет был уверен, что в эти выходные Дин будет держать свои руки подальше от Элли. Он не хотел бы, чтобы его идеальную жизнь с лучшей подружкой Элли, Ханной, испортила какая-нибудь драма.

Учитывая, что никаких взрывов или безумных звонков не наблюдалось, я готов был поспорить, что Дин и Элли сохранили свою встречу прошлой ночью в секрете.

Как только Хантер открывает рот, чтобы сказать какую-то глупость одной из девушек, подошедших к столу, свет начинает зловеще мерцать.

Дин хмурится.

– Там апокалипсис снаружи, что ли?

– Погода портится, – отвечаю я.

Дин решает уйти. Я остаюсь на месте, несмотря на то что вообще не хотел ехать сегодня в бар. Не знаю, почему, но эта пара слов с Сабриной очень меня завела.

Нельзя сказать, чтобы в моей жизни было мало девушек. Я не могу хвастаться своими похождениями, как Дин, Логан или другие парни из команды, но я в игре. Иногда даже позволяю себе секс на одну ночь, когда в настроении.

И прямо сейчас я в настроении.

Хочу Сабрину снизу, сверху, как угодно и где ей заблагорассудится, меня это устроит. И я хочу ее настолько сильно, что тереблю рукой бороду, борясь с желанием опустить ее ниже и потеревать кое-что другое.

Я все еще не уверен насчет бороды. Начал отращивать ее во время чемпионата прошлой весной, но стал похож на дикаря и уже летом сбрил ее. Затем она снова отросла, потому что я чертовски ленив, а подравнивать ее намного проще, чем сбривать совсем.

– Сядь, чувак, – просит Хантер. Его взгляд активно посылает сигналы, что их трое, а нас двое, но эти девушки, какими бы хорошенькими они ни были, вовсе не интересуют меня.

– Они все твои, малыш.

Я допиваю свою бутылку и возвращаюсь к бару, где все еще стоит Сабрина. Пара других хищников подвинулась ближе, я бросаю на них тяжелый взгляд и проскальзываю на только что освободившееся место рядом с ней.

Откидываюсь назад, опираясь локтем на барную стойку и давая ей иллюзию пространства. Она немного напоминает мне дикого пони: широко распахнутые глаза, длинные ноги и немое обещание лучшей скачки в твоей жизни. Но протяни руку слишком быстро, и лошадка умчится так, что уже не поймаешь.

– Так ты друг Ди Лаурентиса?

Слова брошены небрежно, но учитывая, что они с Дином недолюбливают друг друга, есть только один способ избежать неловкости: все отрицать.

Но я не стану так поступать с другом, даже чтобы переспать с девушкой. И что бы у Сабрины ни было с Дином, это не относится ко мне, так же как и отношение Дина к ней не влияет на мои намерения. К тому же я убежден: как начнешь, так и пойдет дальше.

– Он мой сосед по комнате.

Она не пытается скрыть свою неприязнь и пытается меня отшить.

– Спасибо за выпивку, но, кажется, мои подруги зовут меня. – Она кивает на группу девушек.

Я окидываю взглядом толпу, но никто из них даже не смотрит в нашем направлении, и снова поворачиваюсь к ней, грустно качая головой.

– Стоит выдумать что-нибудь получше. Если хочешь, чтоб я ушел, просто скажи. Ты похожа на девушку, которая знает, чего хочет, и не боится сказать об этом.

– Это тебе Дин доложил? Ручаюсь, он назвал меня сукой, не так ли?

На этот раз я предпочитаю промолчать. Вместо этого делаю глоток.

– Он прав, – продолжает она, – я сука и не жалею об этом.

Она очаровательно вскидывает подбородок. Я бы ущипнул за него, но боюсь потерять пару пальцев, а они мне еще сегодня понадобятся. В моих планах – пройти ими по всему ее телу.

Она делает еще один глоток пива, и я наблюдаю, как напрягаются нежные мышцы ее шеи. Твою мать, как же она красива. Даже если бы Дин сказал, что она пьет кровь младенцев, я все равно остался бы тут, настолько она привлекательна.

И не только для меня. Половина мужчин в баре бросает в мою сторону завистливые взгляды. Я чуть склоняюсь, чтобы закрыть ее собой от чужих глаз.

– Окей, – тихо говорю я.

– Окей? – На ее лице появляется милейшее выражение недоумения.

– Ага. Или это должно было меня отпугнуть?

Она сдвигает свои идеально очерченные брови.

– Не знаю, что он там еще обо мне сказал, но со мной непросто. Я не против переспать, но придиричива к тем, кого пускаю в свою постель.

– Он ничего об этом не говорил. Только о том, что тебе нравится шпынять его. Но мы оба знаем, что эго Дина может выдержать удар-другой. Проблема в том, что ты, кажется, заиклась на нем. И, похоже, это так, потому что он – единственное, о чем ты можешь говорить. – Я пожимаю плечами. – Если дела обстоят именно так, я отвалою прямо сейчас.

Поскольку Дин сказал, что ничего не испытывает к Сабрине, я хотел бы убедиться, что и с ее стороны нет никаких давних чувств. Ее тон, когда она говорила о нем, был сердитым, но и без оттенка горечи – хороший знак. У злости может быть множество причин, а горечь обычно – признак раненых чувств.

Когда – нет, если – мы ляжем вместе в постель, это должно быть потому, что Сабрина хочет быть со мной, а не потому, что так она может отомстить Дину.

Она бросает взгляд за мое плечо, туда, где сидят мои товарищи по команде, затем снова смотрит на меня. Некоторое время мы пьем молча. В ее шоколадно-коричневом взгляде сложно что-либо прочесть, но мне кажется, она тщательно взвешивает мои слова. Может быть, хочет, чтобы я сказал что-то и заполнил паузу, но я жду, что заговорит она. Плюс это дает мне время получше ее рассмотреть. И с этого расстояния она еще красивее, чем мне казалось.

У Сабрины не просто первоклассная задница и бесконечно длинные ноги. Мужчины могли бы молиться на ее грудь, произнося что-нибудь вроде: «Благодарю тебя, Иисусе, за то, что сотворил столь прекрасное создание» или «Боже, прошу, пусть она не будет лесбиянкой». Мне стоило большого труда не пялиться открыто на то, как вздымаются и опадают эти прекрасные холмы.

Наконец она ставит бутылку на стойку.

– То, что ты симпатичный, еще не значит, что я заинтересована.

Я ухмыляюсь.

– Ну, надо же с чего-то начинать.

Уголки ее губ приподнимаются в невольной улыбке. Она вытирает ладонь о юбку и протягивает руку.

– Сабрина Джеймс. Я уже слышала все шуточки о «маленькой ведьме»¹, и нет, я не заиклена на Дине Ди Лаурентисе.

Я беру протянутую руку, используя это, чтобы притянуть ее на дюйм ближе к себе. С такой девушкой нужно двигаться крошечными шагами.

– Джон Такер. Рад это слышать, но тебе стоит знать, что Дин мне как брат. Мы четыре года прикрывали друг другу спины на льду, жили вместе три года, я планирую погулять на его свадьбе и надеюсь увидеть его на своей. Это значит, что он мой друг, но не папочка.

– Стой, ты что, женишься? – спрашивает она в растерянности.

Удивительно, что из всего сказанного она зацепилась именно за это. Я провожу ладонью по внешней стороне ее руки и обхватываю пальцами ее запястье.

¹ Вероятно, имеется в виду американский сериал «Сабрина – маленькая ведьма».

– В будущем, дорогая. В будущем.

– О, – Сабрина поднимает свое пиво, но затем ставит обратно, когда видит, что бутылка пуста. – Стой. Ты *хочешь* жениться?

– В конце концов. – Я коротко смеюсь в ответ на ее удивление. – Не сегодня, но да, однажды я хочу жениться и завести ребенка, а может, и троих. А ты?

Мимо проходит бармен, и я протягиваю ему еще одну двадцатку.

Но Сабрина качает головой.

– Я за рулем. Одно пиво – мой лимит.

Я заказываю нам воду, и бармен в мгновение ока возвращается с двумя бокалами.

Свет снова мигает, заставляя меня поспешить. Либо нужно быстро перейти к делу, либо все потеряно.

– Спасибо, – говорит она, потягивая воду. – И нет, я не вижу себя с детьми или мужем в ближайшем будущем. Кроме того, мне казалось, что вы, хоккеисты, тоже любите свободную игру.

– Когда-нибудь даже великие игроки уходят на покой. – Я ухмыляюсь и подношу бокал ко рту.

Она смеется.

– Ладно, поверю на слово. Так в чем ты силен, Джон?

– Такер. Все зовут меня Такер или Так. И это деловое администрирование.

– Значит, ты распоряжаешься деньгами всей команды?

Я все еще не отпускаю ее запястье и с каждой репликой стараюсь сократить расстояние между нами.

– Нет. – Я киваю на свои колени. – К тому же я немного медленный для профессионала. Получил травму в школе. Достаточно хорош, чтобы иметь стипендию, но знаю свои пределы.

– О, мне жаль. – Сожаление в ее голосе кажется искренним.

Дин – дурак. Эта девушка не только красива, но и мила. Дождаться не могу, когда прикоснусь к ней губами.

И руками.

И зубами.

И твердым как сталь членом.

– Не стоит. Я не жалею.

Я скольжу рукой вдоль барной стойки, и вот Сабрина оказывается в кольце моих рук. Ее ноги зажаты между моими, так что, когда я чуть подамся бедрами вперед, смогу коснуться ее так, как того бешено хочет мое тело. Но если я что-то и понял за все годы игры в хоккей, так это то, что стоит проявить терпение, и тогда оно будет вознаграждено. Ты не бьешь сразу же, как клюшка находит шайбу, а ждешь верного момента.

– Я не собирался заниматься им серьезно, – добавляю я. – Думаю, хоккей – это то, чего нужно хотеть по-настоящему.

И тут она предоставляет его мне. Тот самый верный момент.

– И чего ты хочешь сейчас?

– Тебя, – дерзко отвечаю я.

Сразу после этого свет гаснет окончательно, и она едва не роняет свой бокал. Музыка из автомата замолкает, и в баре вдруг становится очень тихо. Вокруг слышится пара повизгивающих смешков и несколько тревожных вскриков.

– Ведите себя прилично, детишки, – кричит один из барменов. – Мы посмотрим, что случилось. Генератор заведется в любую секунду.

Как по команде воздух наполняется гулом, а затем заполненную людьми комнату освещает тусклое свечение ламп.

– Ты все еще хочешь пить? – спрашиваю я, поглаживая внутреннюю сторону ее запястья длинными, нежными прикосновениями, вверх, к сгибу локтя, и вниз, к запястью, снова и снова.

Ее взгляд опускается на наши сплетенные руки, как будто она только сейчас осознала, что мы стояли так все время. Я склоняюсь ближе и касаюсь носом края уха Сабрины, вдыхая ее пряный аромат.

Кажется, я могу простоять так целый день. Есть что-то приятное в том, чтобы затягивать ожидание, пока оно не станет почти болезненным. Это делает разрядку еще более взрывной. Чувствую, что секс с Сабриной Джеймс будет бомбой.

Я, мать его, не могу дождаться этого.

Сделав глубокий вдох, вдавивший ее идеальные сиськи прямо мне в грудь, она отстраняется... не очень далеко, но достаточно, чтобы создать некоторую дистанцию.

– Меня не интересуют отношения, – заявляет она. – Если мы сделаем это...

– Сделаем что? – не могу я удержаться от поддразнивания.

– *Это*. Не коси под дурочка, Такер. Тебе не идет.

У меня вырывается смешок.

– Справедливо. Хорошо... – машу рукой, – продолжай.

– Если мы приступим, – повторяет она, – ты должен понять, что это просто секс. Никакого неловкого утра и никаких телефонных номеров.

Я еще раз глажу ее, прежде чем отпустить, позволяя толковать мое молчание, как ей заблагорассудится. Сомневаюсь, что одного раза будет достаточно для нас обоих, но если ей нужно верить в это сегодня, пусть так и будет.

– Тогда идем.

Ее губы изгибаются в улыбке.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас. – Я облизываю нижнюю губу. – Если только ты не хочешь посидеть еще, продолжая это хождение вокруг да около, вместо того чтобы сорвать друг с друга одежду.

Она позволяет себе горловой смешок, и я ощущаю его всем своим естеством.

– Очень веский довод, Такер.

Боже. Обожаю то, как мое имя звучит на этих полных, припухлых губах. Может, я попрошу повторить его, когда буду доводить ее до оргазма.

Желание охватывает меня настолько сильно, что я вынужден сжать ягодицы и дышать через нос, пытаясь обуздать его. Я беру Сабрину под локоть и проталкиваю к двери. Несколько человек зовут меня по имени или похлопывают по спине, желая успешной игры, но я игнорирую их.

Снаружи все еще льет дождь. Я притягиваю Сабрину ближе и поднимаю над ее головой свою черно-серебристую куртку. К счастью, мой грузовичок стоит неподалеку.

– Туда.

– Хорошее место для парковки, – замечает она.

– Не жалуюсь. – Это привилегия за участие в игровом составе успешной хоккейной команды колледжа.

Я помогаю ей забраться в грузовик, затем занимаю место водителя и завожу мотор.

– Куда?

Она слегка дрожит, и я не уверен, от холода это или по другой причине.

– Я живу в Бостоне.

– Тогда ко мне. – Потому что я, мать его, не могу ждать час, пока мы доедем до города. Мой член взорвется.

Она кладет руку мне на запястье, прежде чем я успеваю включить заднюю передачу.

– Ты живешь с Дином. Это не будет смущать тебя?

– Нет, с чего бы?

– Не знаю. – Ее указательный палец скользит к моим костяшкам.

Я стискиваю зубы, потому что эрекция едва не разрывает змейку на брюках. Единственная причина, по которой я не поцеловал ее, как только мы вышли из бара, в том, что, если бы начал, взял бы ее прямо у стены здания. Но сейчас, когда она касается меня, мой самоконтроль превращается в облако пара.

– Давай сделаем это здесь, – решительно говорит она.

Я хмурюсь.

– В машине?

– Почему нет? Тебе нужны свечи и розовые лепестки? Это просто секс, – настаивает она.

– Дорогуша, если будешь так говорить, я начну сомневаться, что это ты пытаешься меня убедить, а не наоборот. – Дыхание перехватывает, когда ее большой палец очерчивает крошечный круг в центре моей ладони. К черту. Я хочу ее так сильно. – Ладно. Хочешь сделать это в машине, будь по-твоему.

Без лишних слов я тянусь назад и опускаю спинку кресла до самого конца. Затем сбрасываю с себя куртку и швыряю ее на заднее сиденье.

– У тебя есть какие-то ограничения для «просто секса»? – интересуюсь я. – Вроде «не целовать в губы»?

– Черт, нет. Я что, похожа на Джулию Робертс?

Я поднимаю брови.

– «Красотка», – напоминает она. – Проститутка с золотым сердцем, не целующаяся с Джоном.

Я ухмыляюсь.

– Так, значит, ты говоришь, что поцелуешь *этого* Джона? – Я хлопаю себя по груди, чтобы она поняла: я говорю о собственном имени и не подразумеваю, что она – проститутка.

Она хихикает.

– Если не будешь меня целовать, я приду в ярость. Мне нужны поцелуи. Иначе я осталась бы дома, со своим вибратором.

Я улыбаюсь. Прислонившись спиной к окну и водрузив ноги на рулевую панель, я создаю колыбель для ее горячего тела и маню к себе.

– Тогда приди и возьми, что тебе нужно.

3

Сабрина

Такер сидит с легкой улыбкой на губах и огромной эрекцией в штанах. Я облизываю губы, меня охватывает возбуждение. Боже, как приятно будет чувствовать в себе этого монстра.

Мой взгляд падает на его аккуратно подстриженную бороду, и я на короткий момент задаюсь вопросом, не стоило ли уступить его Карин. В конце концов, борода была в списке *ее* желаний. Но теперь мне и самой интересно, как эта растительность будет ощущаться между ног: мягкой или жесткой? Я сжимаю бедра в предвкушении.

Хоуп и Карин были правы. Мне действительно нужно с кем-то переспать, и, хоккеист он или нет, я уверена: Такер подходит для этой задачи. Он обладает уверенностью в себе, без раздутого эго, что всегда меня заводило. Когда он сказал «тебя» в ответ на мой вопрос о том, чего он хочет, я чуть не кончила прямо в трусики.

К тому же он кажется надежным, будто даже землетрясение не может его поколебать. Я даже восхитилась тем, как он заступился за Дина, хотя выбрал неправильный объект для проявления лояльности. Такер наверняка знал: соври он насчет своей дружбы с Дином, у него

было бы больше шансов со мной, и тем не менее выбрал честность, которую я ценю превыше всего.

– Нужны подсказки? – Голос у него низкий и хриплый, растягивающий слоги. *Под-ска-а-аз-ки.*

Боже правый, этот акцент...

– Нет, просто прикидываю варианты.

Мне нравится, что он просто сидит и приказывает мне, что делать. Будто его огромный член существует только для меня. Дождаться не могу, когда все случится, но не могу решить, что сделать сначала. Рот наполняется слюной при мысли о том, как его ствол будет прокатываться по моему языку, при этом внутри все ноет от предвкушения того, как он будет растягивать меня, заполняя целиком.

– Почему бы нам не начать с поцелуев, которые ты так любишь? – предлагает он.

Я встречаюсь с его горящим взглядом.

– Куда? – спрашиваю я смущенно, что странно, потому что я никогда не смущаюсь. Есть что-то в его уверенности, что пробуждает во мне женщину, и я понимаю, что вовсе не против этого.

Он постукивает большим пальцем по нижней губе.

– Прямо сюда.

Двигаясь как можно более сексуально, я перебираюсь через коробку передач к нему на колени, позволив туфлям упасть на пол машины. Его губы слегка приоткрываются для поцелуя, но я медлю, прежде чем прижаться к ним своими. Вместо этого глажу пальцами бороду.

– Мягкая, – мурлычу я.

Его глаза мутнеют и наполняются таким желанием, что становится трудно дышать. А затем он хватает меня, устав от ожидания и разговоров.

Наши губы сливаются. Он запускает руку в мои волосы – не знаю, то ли для того, чтобы получить лучший угол, то ли чтобы получить преимущество для вторжения. Как бы там ни было, его язык творит с моим телом волшебные вещи. Я даже забываю, почему чуть не отшила его.

Высокий, горячий, с темно-каштановыми волосами и неухоженной бородой. Почему я вообще колебалась? А, точно: он хоккеист.

Чуть отвернувшись, я выдыхаю:

– Просто для справки: я ненавижу хоккеистов. Это разовая сделка.

Он откидывает мои волосы в сторону, чтобы обнажить шею.

– Учел. Я даже не стану напоминать тебе об этом, когда ты будешь умолять меня о втором раунде.

Смеясь, я хватаю его голову и прижимаю к себе, ощущая, как его язык спускается по шее к груди.

– Этого никогда не будет.

– Никогда не говори «никогда». Так легче отступить. Более изящно.

Его слова немного приглушены, он зарылся лицом в мою грудь. Мозолистая рука оттягивает рубашку, и я слышу разочарованный рык, когда ворот не опускается достаточно низко, чтобы дать ему доступ к желаемому.

Хорошо, что наши потребности совпадают. Я просовываю руки между нами и стягиваю свой свитер, и, прежде чем успеваю расстегнуть бюстгальтер, его губы крепко обхватывают мой сосок. Когда я тянусь расстегнуть замок, он отбрасывает мои руки.

Я смеюсь в ответ на его нетерпение, но смех замирает в горле, когда его ладонь смыкается вокруг оголенной груди. Его грубые ласки заставляют меня изогнуться. Боже, как давно, *слишком* давно это было. Пока губы Такера заняты посасыванием одного соска, пальцы сжимаются и дразнят другой.

Он хорош: знает, как глубоко нужно всасывать, насколько сильно кусать, как нежно целовать, и, хотя член в его штанах уже затвердел, он делает это так, будто может продолжать ласкать мою грудь всю ночь.

Я ощущаю его эрекцию и шарю рукой, пытаюсь сдвинуть юбку в сторону, чтобы почувствовать его по-настоящему. Проклятье, как же мне хочется ее снять, чтобы его обнаженное тело прикоснулось к моему. Хочу его в себе.

Хочу его всего.

Я пытаюсь нащупать низ его футболки. Он нисколько не помогает, потому что целиком сосредоточен на моей груди. Я нахожу край и тяну его изо всех сил. Прилипшая ко мне футболка поддается, и холодный воздух внутри авто заставляет мои соски затвердеть еще сильнее.

– Больше не хочу прелюдий, – говорю я, стягивая его футболку через голову.

О боже, какие мускулы. Много-много плотных, гладких, рельефных мышц скользит под моими ладонями. Да, спортсменов стоит любить.

Его руки ныряют под мою юбку.

– Так?

Нет ничего изящного в том, как его пальцы быстро сдвигают в сторону мои стринги и без предупреждения входят в меня. Это грязно, но так возбуждает. Я шумно выдыхаю.

– Нравится? – шепчет он.

– Неплохо, – лгу я, и Такер немедленно наказывает меня, вынимая пальцы. – Хорошо. Очень хорошо.

Он снова вводит, а затем вынимает увлажненные пальцы, чтобы слегка поласкать клитор. Все мое тело напрягается и сжимается, жажда большего.

– Просто хорошо, да? – издевается он.

Я сдаюсь.

– Великолепно. Это великолепно.

– Я знаю. – Он выглядит самодовольным. – Не хочу говорить тебе это, Сабрина. Но ты сделала большую ошибку.

– Что? Почему?

Его пальцы водят по моим натянутым стрингам, и полоска врезается в набухшие губы.

– Потому что я стану лучшим из всех твоих парней и заранее прошу у тебя прощения.

Затем он сдвигает трусики в сторону и вставляет теперь уже три пальца. Делает это открыто и грубо, повергая меня в шок. Я чувствую его... повсюду всем своим существом, с головы до кончиков пальцев. На меня обрушивается новая волна возбуждения. Матерь божья, он доведет меня до оргазма. Это вообще возможно?

Я смотрю на него с открытым ртом, а он ухмыляется в ответ – белые зубы выделяются на фоне загорелой кожи и бороды – и вполне осознает, что сводит меня с ума. Его пальцы не останавливаются, два из них нащупывают точку, которую едва ли кто-то, кроме меня самой, может найти.

Он продолжает массировать ее, пока пальцы продолжают входить в меня. И я чувствую приближение разрядки. Закрыв глаза, откидываю голову и отдаюсь нарастающему удовольствию, пока не превращаюсь в одну содрогающуюся чувственную массу.

Когда опускаюсь с небес на землю, я обнаруживаю себя лежащей и задыхающейся у него на груди. В жизни никогда не испытывала такого сильного оргазма, а этот парень еще даже не был во мне. Мое сердце стучит безумно быстро, и вялый ум с трудом поспевает за ним.

Он просто парень. Обычный парень, напоминаю я себе. Один член, два яйца. Ничего особенного.

– У меня давно не было секса, – бормочу я, пытаюсь выровнять дыхание. – Плюс сильный стресс. Нужно было расслабиться.

Три длинных пальца, все еще находящихся внутри меня, сгибаются.

– Можешь убеждать себя в чем угодно, дорогая.

В его голосе чувствуется самодовольство, но этот парень только что рукой довел меня до оргазма, чего со мной никогда не случалось, так что, полагаю, нельзя его в этом винить. Он проводит подушечками пальцев вдоль каких-то чувствительных нервных окончаний, заставляя меня снова непроизвольно содрогнуться.

Затем он поднимает руку – даже в темной кабине машины видно, как влага блестит на его пальцах. Я не готова к новой волне возбуждения, но она накрывает меня, когда Такер облизывает их.

Я судорожно вздыхаю.

Один быстрый рывок рычага, и его сиденье принимает горизонтальное положение. Такер ложится и снова манит меня.

– Иди сюда, садись на лицо. Хочу еще.

Боже. *Кто* этот парень?

Может, мне не стоит задира́ть юбку до талии и карабкаться вперед, но я делаю это. Он как будто зачаровал меня, и я не в силах ослушаться.

– Приготовься, – хрипит он, – потому что я собираюсь заставить тебя снова кончить.

– Ты чертовски самоуверен.

– Нет. Я просто уверен в себе, как и ты. А теперь дай мне эту сладкую киску и оседлай мой язык.

Бог мой. Секс с Такером грязнее и горячее, чем я ожидала. Внешне он не казался таким, хотя... разве не про таких говорится «в тихом омуте»?

Мне это нравится, и очень.

Горячее дыхание обжигает кожу, когда я опускаюсь на его лицо.

– Мать твою, да! – Это последнее, что он говорит, прежде чем прижаться ко мне губами.

Такер делает это не только языком. Он использует губы и зубы, чтобы воздействовать на мой сверхчувствительный клитор. Одной рукой он сжимает мое бедро, палец другой вставляет в меня. А языком... Он лижет меня длинными, размашистыми движениями, а я вскрикиваю и пытаюсь заглушать звуки, прикусывая собственное запястье. Затем он раздвигает меня двумя пальцами и держит, пока язык усердно работает внутри.

Он прав: мне действительно нужно было подготовиться. Я сжимаю сиденье по краям и улетаю. Он подводит меня прямо к краю обрыва и сбрасывает вниз.

Пока я содрогаюсь от второго оргазма за ночь, Такер пересаживает меня на колени. Его член уже каким-то образом оказывается на свободе, так что я тянусь и хватаю его.

– Стой, – рявкает он, но уже поздно.

Я закусываю нижнюю губу, когда широкая головка медленно проникает в меня. Жадно давлу всем телом вниз, желая ощутить его внутри. Его руки находят мои бедра, и к горлу подступает удовлетворенный стон, но вместо этого я вскрикиваю в тревоге, когда он спихивает меня в сторону.

– Презерватив, – мрачно говорит Такер.

Я с удивлением смотрю вниз и зажимаю рот рукой. Никогда не допускала подобной ошибки, никогда.

– Прости. Я не думала...

Он роется в джинсах, находит бумажник и бросает его мне.

– Не страшно, это был только кончик.

Его лукавое подмигивание заставляет меня нервно рассмеяться. Я надкусываю фольгу, открываю и натягиваю резинку на его член.

– Я чиста, – чувствую себя обязанной сказать ему это, – проходила обследования после... – замолкаю, чувствуя, что говорить о предыдущих встречах, когда я обнажена и готова насадиться на другой член, неправильно. – Ну, после этого. И я на таблетках.

– Со мной тоже все в порядке, – говорит он.

Он закрывает глаза на секунду, когда я раскатываю презерватив вниз по толстой горячей плоти. Низкий стон срывается с его губ, а потом он отбрасывает в сторону мою руку, чтобы самому взяться за него.

– Готова? – спрашивает Такер, располагая головку у входа.

Не знаю, киваю ли я, жалобно протягиваю или умоляю, но звук, срывающийся с моих губ, наверное, можно расценить как согласие, потому что затем он одним быстрым движением проталкивает член вверх, пока я не насаживаюсь до конца.

– Черт, ты такая тугая, – шипит он сквозь стиснутые зубы.

– А ты чертовски большой, – хриплю я, извиваясь на нем сверху.

Он хватается мои бедра, чтобы удержать, и входит неглубокими рывками.

– Не двигайся.

– Не могу. – Фрикции так приятны. Если до этого мне казалось, что его пальцы и язык творят чудеса, то теперь я знаю, что его член просто сверхъестественен. Я чувствую его *везде*.

Упираюсь коленями в кожаное сиденье и опускаю руки ему на грудь, ощущая под своими ладонями гибкие мускулы. Скольжу взглядом по его животу с кубиками пресса, светлым волосам на груди и тонкой линии, ведущей прямо в рай.

На него так же приятно смотреть, как и чувствовать в себе. Интересно попробовать его на вкус, но время для этого придет позже. Прямо сейчас я хочу, чтобы он трахал меня до тех пор, пока мое беспокойство насчет Гарварда, денег и домашней жизни не выветрится из меня окончательно. Хочу забыться, и он идеально для этого подходит.

Я падаю на него. На его лице появляется звериное выражение, а огромная ладонь сжимает мою задницу. Он поднимает и опускает меня, найдя где-то точку опоры и, хотя сверху сейчас я, полностью контролирует ситуацию. Это именно то, что мне нужно.

Он сжимает зубы, и я чувствую крепкую хватку его пальцев на заднице каждый раз, когда он насаживает меня на себя, в то время как сам приподнимается вверх. Я сильнее прижимаюсь к нему бедрами и полностью доверяюсь ему, позволяя доводить себя до беспамятства.

– Иди ко мне, – бормочет он, – возьми что хочешь.

Его член внутри меня пульсирует, а пальцы находят мой клитор, поглаживая и дразня его, пока я не подсакиваю словно ракета, сотрясаясь так сильно, что с трудом могу удержаться на нем.

Такер приподнимается, прижимая меня к своей груди, и входит в меня так сильно, что я вынуждена упереться дрожащими руками в крышу машины, чтобы не пробить ее головой.

Он вонзается в меня снова и снова, пока внезапно не превращается в дрожащую, бездумную массу, едва способную контролировать себя, и откидывается назад на сиденье, увлекая меня за собой.

Я позволяю себе несколько эгоистичных минут, чтобы отдышаться, нежась на этой широкой груди подо мной. Дрожь сменяется удовлетворением. Часть меня хочет продлить этот момент до бесконечности, свернуться на коленях этого парня, пока его ладонь успокаивающе скользит вверх-вниз по моей спине.

– Ты точно не хочешь поехать ко мне? – спрашивает он.

В какой-то момент я чуть было не отвечаю «да». «Да» возвращению к нему домой. «Да» еще одному раунду секса, завтраку утром, прогулу работы и целому дню, проведенному с ним. Это желание удивляет и пугает меня.

Я глубоко вздыхаю и собираю остатки своего хладнокровия, которое он разбил на крошечные кусочки.

– Нет. Мне нужно домой.

Только секс.

Верно. Это просто секс. Джон Такер хорош в постели, настолько хорош, что заслуживает трофея. Но он не лучше того, что у меня было раньше: так кажется из-за стресса, которому я постоянно подвергаюсь. Или, даже если только что был лучший секс в моей жизни, это ничего не значит, кроме еще одного аргумента в пользу того, что *атлеты – хорошие и выносливые любовники*, чьи пальцы и язык владеют мастерством мирового класса, а член способен служить моделью для игрушек в секс-шопе.

Поворачиваюсь за юбкой и курткой и быстро накидываю их, не заботясь о том, не наизнанку ли они надеты. Мне нужно перебраться из этого грузовичка в свою машину.

– Готово, – объявляю я. – Моя машина всего в паре кварталов отсюда.

Его симпатичные черты смягчаются.

– Ты выглядишь немного растрепанной.

Оборачиваясь, я вижу на его лице лишь искреннее беспокойство.

– Со мной все в порядке, – заверяю я его.

Такер садится и снимает презерватив, завязывает его и кидает в кучу бумажных платков. Несколько секунд он крутит свои ключи, затем заводит грузовик.

– Куда?

Я позволяю себе расслабленный вздох.

– На улице Форест. У большого викторианского особняка.

– Понял.

Мы едем эту пару кварталов молча. Едва я замечая свою машину, как становится трудно сопротивляться порыву сбежать. Я открываю дверь раньше, чем грузовик останавливается.

– Увидимся, – беспечно говорю я.

– Я провожу тебя до машины.

Он приподнимает бедра, чтобы натянуть джинсы, и я обращаю внимание, что он все еще полуобнажен. Стараюсь не смотреть, как он прячет уже не такой твердый член. Он легко мог бы зайти на второй круг.

Мое тело молит о продолжении, но я игнорирую сигналы, выбираясь из грузовика. Такер присоединяется ко мне – футболка снова на нем, джинсы болтаются на узких бедрах, ширинка расстегнута. Ботинки тоже на нем.

Я издаю истерический смешок. Он так чудесно трахал меня, даже не сняв ботинок?

– Может, проводить тебя до дома? – предлагает он.

– Я сказала тебе, что живу в Бостоне.

Он пожимает плечами.

– И что? Дороги дерьмовые, и я хочу убедиться, что ты доедешь нормально.

– Нормально доеду. Я это делала уже дюжину раз.

– Ну, тогда пошли мне смс, когда доберешься до дома.

– Никаких номеров телефонов, – напоминаю я ему, чувствуя странную панику.

– Или смс, или я еду за тобой. – В его голосе чувствуется решимость.

Похоже, я переспала с последним джентльменом на планете.

– Хорошо. – Я вытаскиваю свой телефон из кармана куртки. – Но ты убиваешь во мне все хорошие чувства к себе.

Его светло-карие глаза блестят в темноте.

– Какая разница, ты ведь не собиралась повторять?

У него, черт возьми, готовы ответы на все вопросы.

– Тебе нужно работать юристом, – бормочу я. – Диктуй.

Он называет номер, я вбиваю его, потом открываю машину и буквально падаю на сиденье водителя. Слава богу, мотор моей иногда ненадежной «хонды» заводится мгновенно.

Я припускаю окно на дюйм и спешно шепчу:

– Спокойной ночи, Такер.

Он отвечает быстрым кивком. Почти квартал я наблюдаю его в зеркале заднего вида – одинокую фигуру, залитую лунным светом, – пока не заставляю себя отвернуться. Вперед – вот куда я должна смотреть.

Поездка домой проходит как в тумане, поскольку в голове я прокручиваю самые жаркие сцены. Глупые мысли.

Но... секс был *так* хорош. Разве плохо будет увидеться с ним снова?

Я паркуюсь на потрескавшемся асфальте под навесом позади дома и с минуту просто сижу. Затем провожу рукой по сбившимся во время секса волосам и тянусь за телефоном.

Я: *На месте».*

Ответ приходит сразу.

Он: *Хорошо. Рад это слышать. Не стесняйся использовать этот номер снова».*

Хочу ли я использовать его... снова? Соблазнительное предложение. С Джоном Такером так же горячо, как в аду, а трахается он как бог, делая это настолько неторопливо, словно в его жизни вообще нет поводов для беспокойства. Он не задавал неудобных вопросов и, кажется, не требовал от меня больше, чем я могла предложить. Такие парни встречаются не часто.

Я: *Учту.*

Он: *Учти, дорогуша.*

Я прикасаюсь большим пальцем к губам, вспоминая, как было хорошо, когда он целовал меня. И, может быть, я *действительно* использую этот номер снова.

Как только выхожу из машины, на меня тут же накатывает усталость. Нужно поспать, НЕМЕДЛЕННО. Завтрашний день будет таким же долгим и утомительным, как сегодняшний, так что не могу сказать, чтобы я ждала этого с нетерпением.

Открывая дверь, замечаю, что бабушка сидит там же, где и до моего ухода. Подозреваю, что единственный раз примерно за четыре часа моего отсутствия она пошевелилась, лишь чтобы сходить в туалет – об этом говорит пустая двухлитровая бутылка из-под кока-колы, стоящая на столе. Перед моим отъездом бутылка была полной. Правда, теперь перед бабушкой уже лежит другой журнал. Думаю, это *Enquirer*.

Она окидывает меня взглядом и, вероятно, замечает растрепанный вид.

– Мне казалось, ты была на коктейльной вечеринке. – Она ухмыляется. – Выглядишь так, будто ты была в меню.

Мое лицо обдаёт жаром. Да, ничто так не ставит на место, как слова бабушки.

Я игнорирую издевку и направляюсь к двери.

– Спокойной ночи, – бормочу я.

– Доброй ночи, – отвечает она, и ее смех провожает меня до спальни.

Я запираю дверь на замок, достаю телефон, нахожу имя Такера и какое-то время просто пялюсь в экран. Меня подмывает написать ему что-нибудь, что угодно.

Вместо этого я захожу в меню и нажимаю «ЗАБЛОКИРОВАТЬ».

Потому что независимо от того, насколько он сексуален и сколько оргазмов смог из меня извлечь, в моей жизни нет места для встреч с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.